

В это время Горький выступил с бодрым настроением, с верою в силу человека. Он не мог найти этой веры, а равно и сильного человека среди слабой интеллигенции и пошел куда-то в мир странных героев, которых другие считали отщепенцами жизни: старый цыган («Макар Чудра»), старая цыганка («Старуха Изергиль»), портовый вор Гришка («Челкаш»), — все эти герои были необычны для тогдашней литературы и как социальные образы, подмеченные где-то в низах общественного слоя, и как социальные характеры, совсем не похожие по идеологии на чеховских героев.

Они, прежде всего, сами незаурядные характеры, они сами были горячими поклонниками силы и красоты в жизни. «Идешь ты, ну и иди твоим путем, не сворачивая в сторону. Прямо и иди. Может, и сгинешь даром» — философствует Макар Чудра. «Не живут люди, а все примеряются, примеряются и кладут на это всю свою жизнь. И когда обворачивают сами себя, истратив время, то начнут плакаться на свою судьбу. Что же тут — судьба? Каждый сам себе судья. Всяких людей я ныне вижу, и вот сильных нет. Где же они?» — рассуждает Изергиль. Эффектен Челкаш, этот «никому не нужный» человек по представлению Гаврилы, гордо бросающий весь свой «заработок» крестьянину-землеобу, босяк, признающий только свою собственную силу и верящий в нее.

Все эти показанные впервые в литературе характеры так не похожи были на традиционных героев той эпохи. Пусть в них была известная романтичность, некоторая сгущенность их переживаний, некоторое преувеличение их общественной стоимости, незаметно данное Горьким, но зато они свидетельствовали, что где-то в толщах социальной среды начинают нарастать новые взгляды, новые стремления, результат неудержимо идущего исторического процесса, и Горький был первый, кто заметил этот процесс: через десять лет после появления «Челкаша» произошел 1905 год.

«Самому против себя не надо спорить. Коли кто против себя заспорит, пиши пропал человек», — говорит «подсыпка» Кузьма в рассказе «Тоска». «Рассказываешь ты так, что приходится понимать, будто всю свою жизнь не ты сам, а шабры делали и разные прохожие люди. А где же ты-то в это время был? И почему ты против своей судьбы никакой силы не выставил?», — спрашивает Коновалов.

Жагда новой жизни звучит в этих афористически высказанных словах, но вместе с тем эти герои начинают и критику установившихся форм жизни, жизни серой, бесцветной, «переползающей изо дня в день».

Эта проповедь — призыв к светлой, доброй жизни — прозвучала слишком громко в русской общественности, только что еще свывшейся с беспочвенными, безнадежными лозунгами Чехова: «мы отдохнем». «Чтобы жить в этой жизни, нужно иметь бока железные» — как это не похоже было на мечтательно-меланхолические призывы Чехова.

Шли годы. Талант Горького зрел, его сознание писателя-художника расширялось, охватывая все больший и больший круг социально-бытовых отношений. Горький переходит к большим романам — «Трое», «Фома Гордеев». В первом из них Горький, спускаясь в низы общественных отношений, разворачивает жизнь своих трех героев — разносчика Лулева, человека с сильною волею, мечтателя-мистика Филимонова, слесаря Павла Грачева, без дум отдающегося жизни. Не столько, может быть, интересна психология каждого из этих героев, сколько объяснение, даваемое ими самими для осознания случающихся с ними фактов, и мысль самого Горького, глубоко заглянувшего в гущу социальных условий. «Окружают человека случаи и ведут его, куда хотят, как по-

лиция жулика» — так объясняет Илья Лунев все перипетии своей жизни, но для Горького эти случаи — весь социальный уклад, вся сумма сложившихся бытовых условий — результат строя, когда миллионы «трое» принуждены были жить вне человеческих норм существования, ибо повсюду живут те, которые отняли жизненные соки у «троих».

Максим Горький.

(Редкий снимок 1902 г. — в Н.-Новгороде, у дома Киришаум, на Тихоновской улице).

Жизнь в специфически купеческом городе—Нижнем не могла пройти бесследно для Горького, и в романе «Фома Гордеев» он попытался осветить российскую буржуазию конца века. В лице Маякина обрисована типичнейшая фигура капиталистического мира. Гордая уверенность в своей силе, основанной на денежном мешке, теоретическое обоснование своей «культурности», как первопричины прогресса, сознательная убежденность в необходимости и целесообразности эксплуатации трудящихся — все это так ярко прозвучало в знаменитой речи Маякина на пароходе. Темная, угнетающая сила. «Не жизнь вы устроили, а тюрьму» — вырвалось после речи Маякина у Фомы Гордеева, тоже выходца из этого мира, правда, потом оторвавшегося. «Фома Гордеев», в котором бытовая обстановка в значительной степени была навеяна нижегородскими впечатлениями, по глубине захвата темы и по анализу

социально-экономических отношений, одно из крупнейших произведений Горького. В конце девяностых годов Горький ушел от своего первого героя — сильного человека, чаще всего «босняка» — с расширением писательского наблюдения Горький глубже вглядывался в жизнь современной ему эпохи, открывавшейся ему в пределах быта все шире и шире. Впервые он пошел в рабочий класс в «Мещанах». Нил, при всей схематичности этого образа, умен сознанием своей силы, уверенностью в себе. «В одном не вижу ничего приятного, что много командуют свиньи, дураки и воры... Но жизнь не вся за ними. Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле». Эти слова, возможно, были выражением настроения самого Горького, но для 1902 года — время появления пьесы — они были характерны.

И одновременно с «Мещанами» появилось «На дне» — одно из самых глубоких произведений последнего полустолетия; пьеса подводит итог первому периоду литературной деятельности Горького; в ней он навсегда прощается с босьяками, синтезируя свои взгляды на люмпен-пролетариат. «На дне», прежде всего, с поразительной силой подчеркнуто вопиющие социальные противоречия капиталистического мира, могущего существовать на плечах обездоленных общественных групп. В этом отношении «На дне» — произведение, которое прозвучало сильнейшим укором по адресу всего строя, поддерживаемого господствующими классами. И здесь же Горький, сняв с босяков «театральные костюмы» (выражение Воровского), мог для них найти только одно утешение: призрачную правду фантазии, «сон золотой», ложное успокоение. Здесь, может быть, были и ошибки Горького, но сильно заостренная общественная сторона пьесы покрывала этот недостаток, и «На дне» навсегда осталась капитальнейшим памятником Горьковского творчества.

Первый этап своей литературной деятельности Горький завершил. Несколько раз за это время он возвращался в Нижний (1889—1891, 1892—1894, 1896, 1898—1901 г.г.). Сотрудничество в нижегородских газетах «Нижегородский Листок» и «Волгарь» шли у Горького рука об руку с его общественной работой в Нижнем: около него группируется кружок молодежи, он сам несколько раз арестовывается; при его участии основывается Народный Дом, создается театр из любителей и профессиональных актеров под режиссерством Тихомирова, артиста Художественного театра; организовываются общественные елки для детей пролетариата; помогает в организации детской библиотеки секции гигиены воспитания и образования, которая, прежде всего, давала книгу беднейшим слоям. Горький в Нижнем был одиозной фигурой для правительства, преследовавшего его: три раза его арестовывали (в 1889, 1898 и 1901 г.г.) во время пребывания в Нижнем¹⁾ В 1902 году Горький уехал из Нижнего. Дальше начинается большая общественно-политическая работа Горького: его участие в «Кровавом воскресенье» в 1905 году, с отъездом за границу — знакомство с Лениным, так высоко ценившим талант Горького, участие в «Звезде».

И в то же время не прекращается литературная деятельность его: после пьес «Дачники», «Дети солнца», «Варвары» и «Враги», Горький переходит к крупным романам — «Мать», «Лето», «Городок Окуров», «Детство», «В людях».

Во «Врагах» Горький в лице Левшина подошел к изображению сознательного рабочего с его знаменитой формулой: «Всех мы убиваем».

¹⁾ Один эпизод из преследования Горького жандармерией рассказан недавно в февральских номерах «Красной Газеты» К. Пятницким — история обвинения Горького в приобретении мимеографа.

Которых пулями, которых словами. Всех мы убиваем делами нашими. Гоним людей со свету в землю и не видим этого, и не чувствуем... Что же нужно сделать, чтобы жить иначе? Копейку уничтожить нужно... Схоронить ее нужно... Ее не будет,—зачем враждовать, зачем тиранить друг друга?» Для Левшина вопрос «уничтожить копейку» означал не что иное, как устранить нынешний экономический строй, т.-е. «уничтожить все то зло, которое делается теперь людьми в экономической борьбе за существование» (Плеханов). Являясь попыткой дать картину классово-борьбы рабочих с хозяевами завода, пьеса «Враги» глубоко интересна и постановкою этого вопроса, и образом Левшина.

Гораздо глубже Горький подошел к изображению рабочего класса в большом романе «Мать». Роман непосредственно связан с бытом сормовских рабочих; в нем освещена работа Нижегородской социал-демократической организации эпохи 1901 года, рассказана первомайская демонстрация 1902 года и процесс рабочего Заломова с товарищами¹⁾. Не все одинаково удалось в этом романе Горькому, критика упрекала иногда Горького за надуманность образа матери, недостаточную яркость характера Павла Власова, главного героя романа, но в то же время в русской дореволюционной литературе немного найдется таких произведений, которые бы подобно «Матери» так же подробно осветили рабочее движение до 1905 года. В романе много прекрасно написанных сцен, а описание майской демонстрации есть не только исторически верное воспроизведение сормовской первомайской демонстрации 1902 года, но это есть типичное изображение вообще демонстраций до 1905 года, всегда сопровождавшихся и расстрелами и потом беспощадною расправою царских полицейских над демонстрантами. В описании этой картины Горький, несомненно, показал себя первоклассным художником, и эти страницы романа — незабываемые страницы по мастерству передачи и фактов, и настроения рабочей массы. Сцена суда опять-таки с отчетливою ясностью изображает одну из таких обычных сцен царско-капиталистической России. Не менее яркий художественный характер Рыбин, и сцена ареста и избияния его становым приставом одна из самых сильных страниц романа.

В остальных своих произведениях Горький развернул широкую картину русской жизни конца XIX и начала XX века. Это Россия окурковская с своим неподвижным покоем, с веками сложившимся под влиянием тяжелого самодержавного режима укладом, тяжелая, темная, грязная. С другой — в этой жизни намечаются ростки новых общественных форм, с стремлением выбраться из устаревших рамок.

В «Городке Окурове», «Детстве», «В людях» проходит длинная вереница разнообразных характеров, лиц разного состояния. Со спокойствием уже настоящего писателя-наблюдателя Горький рисует этих своих героев. Там много личного, автобиографического, пережитого самим Горьким, но в то же время этот элемент получил у Горького и художественное оформление: правда, реальная жизнь смешалась с вымыслом художественного творчества, и эти произведения имеют огромное общественное значение, ибо они, фиксируя прошлое, объясняют настоящее, от них могут быть протянуты нити к основной грани — Октябрьской революции.

¹⁾ Большой интерес представляет сравнение подлинной речи Заломова на суде с речью П. Власова в «Матери». Речь Заломова напечатана в двух редакциях: 1. М. Коваленский и Е. Мороховец. «Русская революция в судебных процессах и мемуарах». Кн. IV, стр. 27—32. 2. «Материалы по истории революционного движения» под редакцией В. Илларионова, т. II. Н.-Новгород, 1922 год.

«Детство» и «В людях» — подобно «Детству, отрочеству и юности» Толстого или «Истории моего современника» Короленко, являясь колоритною картиною жизни, в то же время вырисовывают и самого автора их, выросшего в условиях определенных социально-экономических форм. Потому-то для исследователя творчества Горького сливаются эти две стороны — быт и их автор, в глубоком взаимодействии этих двух факторов. Уже после революции, пройдя через произведения автобиографического характера («Воспоминания» и «Мои университеты»), где Горький отдал дань всем богатым впечатлениям своей жизни, он создал две крупнейшие вещи: «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина».

Первое войдет в литературу, как классическое произведение. Оно начинается на стыке ликвидации крепостного хозяйства и роста промышленного капитала, доходя до первых дней Октябрьской революции. Смена трех поколений купеческой фамилии, постепенно вырождающейся, расцвет капитализма в стране, разоренной крепостным хозяйством, вновь создавшийся гнет купца-хищника, пришедшего на смену барину-тунеядцу — вся эта переменявшаяся экономика отчетливо изображена Горьким, вместе с великолепно нарисованными характерами и бытовыми сценами. Накопленный в течение тридцатилетней работы опыт художника богатой техники Горький применил в этом романе, превзойдя лучшие страницы своего «Фомы Гордеева». На протяжении около шестидесяти лет разворачивается действие романа, помогая до известной степени вскрыть корни Октябрьской революции и показывая, как развивалась и как одновременно с этим разлагалась буржуазия, разбитая революцией. «Дело Артамоновых» своего рода художественная хроника за две четверти века.

«Жизнь Клима Самгина» построена по другому плану: в «Деле Артамоновых» Горький щедр и богат на изображение быта, на основе которого создается психология действующих лиц, — в «Жизни Клима Самгина» Горький скупее на быт, но зато он богаче в обрисовке психологии своих героев, так что читатель в последнем романе должен идти от психологии к быту. Доведенный до Нижегородской выставки 1896 г., роман не кончен, и пока остается перегруженным психологией героев, а особенно главного героя — Клима Самгина.

Так прошел литературный путь свой М. Горький, длинный и многообразный, дав общественности опромный литературный материал. Поколения будут изучать его, и чем дальше от момента появления его, тем глубже он будет осознаваться и тем больше в нем будут находить новых сторон, так как многое мы сейчас у Горького воспринимаем, как его современники, одновременно с ним переживавшие одно и то же. История нашей экономики и общественности теперь уже не отделима от Горького: он сам порождение этой экономики, и он же художник ее. Эпоха полнозвучно звенела в нем, эпоха, отмеченная 1905 и 1917 годами, двумя событиями, где пролетариат играл главную роль, и Горький тем именно и глубок, что он осветил эту роль рабочего класса и показал, как класс из младенческого состояния (в «Деле Артамоновых») в 1917 г. явился строителем жизни, неслыханной по размаху.

Осветив жизнь до 1917 года, Горький, как писатель-художник, вместе с тем вскрыл и ее социальные язвы, как итог всего строя, в основе своей хранившего следы разложения, раз он был направлен на угнетение и эксплуатацию угнетенных. В этом отношении Горький уже смелый и правдивый обличитель, сближающийся здесь с другим ве-

ликим обличителем-писателем — Гоголем. Самодержавие, несомненно, нашло в лице Горького упорного врага, вооруженного зоркостью художника, передавшего свои мысли и настроения широким кругам читающей массы.

Поколения воспитывались на идеях — образах Горького и в конце концов выковались в тех творцов социалистического государства, свидетелями работы которых являемся мы теперь.

Горький велик не только общественною стороною своих произведений. Он, помимо всего, и крупный художник, достойный стоять в одном ряду с нашими лучшими писателями. Он может создать ярко сделанные, чеканные характеры, не повторяясь в их однообразии — и их много на страницах его произведений. Он первоклассный мастер на сцене, отличающиеся поразительною художественною правдою. Разнообразнейшая жизнь освещена им в этих сценах различных эпох и классов. У него блестящий колоритный язык: кажется, ни одного нет писателя в русской литературе, у которого бы, как у Горького, было бы так много остро отточенных афоризмов. Его герои часто говорят таким ярким, сочным языком, что приходится удивляться, как Горький мог в нашей обыденной, казалось бы, будничной речи найти такие перлы словесных оборотов, и это у Горького выходит не как результат надуманности, а так естественно и просто. В его языке колоссальное богатство ярких оборотов, сравнений, аллегорий. Это язык писателя с огромным запасом лексического материала.

Молодые, начинающие писатели могут учиться языку у Горького.

В советской школе Горький занял определенно упрочившееся положение. Вторая ступень его хорошо знает, начиная с своих первых шагов и кончая последнею группою. Для школы он уже классик, поскольку школа считает его произведения образцовыми и по форме и по содержанию. Учащиеся трудовой школы на нем учатся и языку, и идеологии.
